

— Началось! Гляди, это же глотатели огня! — Пэй Хуайюй, сияя от восторга, ткнул пальцем в сторону помоста и дернул Су Яня за рукав.

На сцену неторопливо вышел широкоплечий, обнаженный по пояс хусец. В правой руке он держал тяжелый железный шест, концы которого были обмотаны пропитанной дегтем темной паклей, а в левой сжимал невзрачный бурый кувшин.

Окрестив собравшихся широкой ухмылкой, артист приложился к горлышку кувшина, сделал глубокий глоток, а затем резко выдохнул на обмотку шеста. Из его рта с гулким ревом вырвался огненный вихрь, мгновенно воспламенивший просмоленную ткань.

Швырнув сосуд оставшемуся за ширмой помощнику, хусец перехватил шест обеими руками и закрутил его с бешеной скоростью. Яркое пламя слилось в сияющие, извивающиеся в полумраке дуги.

Толпа вокруг восторженно взревела.

Но тут трюкач резко крутанул рукоять посередине — и длинный шест со щелчком распался надвое. Оказавшись с короткими факелами в обеих руках, он подбросил их высоко вверх. В полете горящие концы соприкоснулись, и огонь с ревом охватил вторую половину оружия.

Скрестив руки на груди, хусец ловко поймал падающее железо и без малейшей передышки вновь пустил его в пляс. Огненные волны очерчивали в воздухе причудливые узоры, от которых у зрителей рябило в глазах.

Артист двигался вдоль самого края помоста, заставляя пламя свистеть у самого лица зрителей. То и дело он подавался вперед и выдыхал жарких огненных драконов прямо над головами зевак, вызывая волны испуганных и восхищенных вскриков.

Пэй Хуайюй бесчинствовал в общей толпе пуще прежнего. В порыве восторга он мертвой хваткой вцепился в предплечье Су Яня — его пальцы сжались с такой нечеловеческой силой, что позавидовал бы даже даос Вань со своими когтями.

Несчастному даосу оставалось лишь безвольно покачиваться вслед за разбушевавшимся приятелем, то и дело насильно пригибая потерявшего голову юношу к земле, чтобы уберечь его роскошную прическу от пролетающих искр.

Представление завершилось эффектным финалом: хусец один за другим засунул горящие факелы себе в пасть, гася пламя. Толпа взорвалась овациями.

Раскатистая, частая дробь барабанов заставила возбужденных зрителей притихнуть.

Раздался нежный звон серебряного колокольчика, и на помост выпорхнули четыре персиянки

в полупрозрачных накидках. Разошедшись по углам сцены, они синхронно вскинули руки, соединив ладони над головами, и замерли в изящной позе, балансируя на одной ноге.

Заиграла чужеземная музыка, и закутанные в шелка танцовщицы начали плавно двигаться в такт. Легчайшая кисея ничуть не скрывала их прелестей: сквозь разноцветные складки угадывались лишь узкие полоски ткани, прикрывавшие интимные места, и гладкая, точно выточенная из нефрита кожа.

Заслышав тяжелое, прерывистое дыхание обступивших сцену мужчин, Су Янь невольно вспомнил рассказы лисицы-оборотня, с которой общался еще в горах. Та частенько говаривала о чарах соблазна и насылаемом на разум мороке.

Почуввав неладное, даос быстро потянулся к спутнику и ударами пальцев нажал на особые точки на его плечах. Пэй Хуайюй коротко вскрикнул, потряс головой и, точно вынырнув из глубокого омута, озадаченно уставился на друга:

— Ай! Даос Су, ты чего дерешься?

Не успел Су Янь ответить, как дробь барабанов переросла в неистовый грохот. Персиянки взмахнули прозрачными подолами и закружились на цыпочках, превратившись в пестрые, безумные волчки.

Хуайюй мгновенно позабыл о своей обиде. Он вновь засмотрелся на сцену, где в бешеном ритме мелькали разноцветные шелка. Юноша остекленел взглядом, и на его лице проступило то же глуповатое, замороженное выражение, что и у остальной толпы.

Поняв, что уговоры бесполезны, Су Янь просто ухватил молодого барина за шиворот и, бесцеремонно расталкивая плечами плотную стену зевак, поволок его прочь.

Изнеженный юноша, не привыкший к физическому отпору, даже пикнуть не успел — пятки его беспомощно заскользили по мостовой, и через мгновение он оказался на свободном пространстве, увлеченный непреклонной силой даоса.

— Ну и что это было, даос Су? — протянул Пэй Хуайюй, в голосе которого, несмотря на природную кротость, промелькнули капризные нотки обиды. Все-таки вихревой танец, которого он так ждал, прервали на самом интересном месте.

— Долго смотреть на этот танец вредно для рассудка, — спокойно пояснил Су Янь.

— Это еще почему?

Су Янь на мгновение задумался, подбирая понятные слова, после чего добавил:

— Эти танцовщицы используют приемы иллюзионистов. Если долго вглядываться в их движения, разум затуманится, а воля ослабнет.

В груди Хуайюя все еще боролось любопытство, но серьезный тон даоса заставил его засомневаться, стоит ли лезть обратно в гущу толпы.

Однако в этот момент у помоста взметнулась новая волна восторженных криков, а ритм барабанов взлетел до предела. Не выдержав искушения, молодой господин Пэй ухватил Су Яня за руку и увлек обратно в людское море.

— Ну хоть одним глазком! Буквально на минутку!

На сцене появилась новая фигура — дева в золотисто-желтых шелках. Тончайшая ткань мерцала под лучами солнца мягким, благородным блеском: подол и лиф были щедро расшиты речным жемчугом и мелкими драгоценными камнями.

Присмотревшись, Хуайюй так и подпрыгнул на месте:

— Даос Су, гляди! Это же она! Та самая девица, что вчера выделила меня из толпы своим взглядом!

Су Янь проследил за его указующим перстом. В ту же секунду золототканая красавица повернула голову в их сторону и, встретившись с ним глазами, едва заметно, понимающе кивнула.

Молодой господин Пэй едва не лишился чувств от восторга.

— Какое благородство, какая чистота! Помыслить не мог, что среди чужеземок встречаются подобные сокровища.

Очарован был не он один: добрая половина мужчин в толпе стояла с разинутыми ртами. Наряд танцовщицы был столь же смелым, как и у ее подруг, однако от всей ее фигуры веяло непостижимой, почти божественной чистотой. Она напоминала сияющую вершину далекой заснеженной горы — прекрасную, манящую, но совершенно недостижимую.

Гул барабанов сделался тяжелее. Дева в желтом вскинула тонкие руки, соединив пальцы в изящной мудре, и поплыла в танце. Танцовщицы по углам сцены закружились, постепенно сужая круг и закрывая свою госпожу живой стеной из развевающихся шелков.

Внезапно грохот смолк. Помост мгновенно заволокло густым облаком белого дыма, скрывшим танцовщиц от любопытных глаз.

Когда пелена рассеялась, четыре персидские девы бесследно исчезли — на сцене в гордом одиночестве осталась лишь красавица в золотом одеянии.

Зрители ахнули. Какой-то малец в толпе звонко закричал, дергая родителей за одежду:

— Мама, папа, глядите! Тетеньки пропали! Они растворились в воздухе!

Вокруг прокатился дружный, добродушный смех.

Пэй Хуайюй удивленно протер глаза и шепотом спросил у спутника:

— Даос Су, неужто и это чары иллюзии?

Су Янь покачал головой. Указав на доски настила, он наглядно показал на пальцах зазор и негромко объяснил:

— Вовсе нет. Под сценой устроена потайная ниша. В момент, когда стихла музыка и повалил дым, все невольно посмотрели вверх. Танцовщицы просто скользнули в открывшийся люк и ушли по подземному переходу за кулисы.

— Вот оно как... — разочарованно протянул юноша. Разоблачение фокуса мигом лишило зрелище былой таинственности.

Су Яню показалось — а быть может, это и не было игрой воображения, — что в тот самый миг, когда он закончил объяснение, дева в желтом бросила на него исключительно проницательный, оценивающий взгляд.

Вихревой танец подошел к концу. Исчезнувшие ранее девицы вновь выбежали на подмостки и вместе со своей предводительницей склонились в изящном поклоне. Следом появился давешний огнеглотатель с широким медным блюдом в руках и принялся обходить ряды зрителей.

Под впечатлением от яркого зрелища горожане не скупилась: в чашу дождем посыпались медные монеты и мелкое серебро. Не успел зазывала обойти и половину круга, как блюдо наполнилось до краев.

Расщедлившийся Пэй Хуайюй не просто бросил горсть серебряных крошек, но и, поддавшись порыву, сорвал с пояса драгоценную нефритовую подвеску и опустил ее на гору монет.

Хусец удивленно посмотрел, что-то быстро пробормотал на своем наречии и уже собирался вежливо поклониться щедрому господину, как вдруг из-за его спины потянулась изящная тонкая рука.

Дева в золотом осторожно взяла украшение кончиками пальцев и с поклоном протянула его обратно Пэй Хуайюю. Ее столичный говор был певучим, хоть и с заметным чужестранным акцентом:

— Благородный господин слишком добр к бродячим артистам. Нам не пристало принимать столь ценные дары.

Пэй Хуайюй, совершенно очарованный ее голосом, торопливо замахал руками:

— Что вы, что вы! Добрый клинок — воину, а редкий нефрит — прекрасной даме. Примите, прошу вас.

Дева кокетливо улыбнулась под своей кисейной маской, и даже этого мимолетного жеста хватило, чтобы у стоявших рядом мужчин закружилась голова.

Какой-то богатей из толпы, узнав юношу, зычно расхохотался:

— Бери, красавица, не сомневайся! Перед тобой наследник самой принцессы Минлан. У него таких побрякушек целый сундук дома пылится. Раз дарит — значит, заслужила!

Танцовщица на миг замерла. Она с живым интересом вгляделась в лицо юноши:

— Так вы... сын принцессы Минлан?

Решив, что его знатное происхождение смутило девушку, Хуайюй ободряюще улыбнулся:

— Именно так. Посему отбросьте сомнения и примите скромное подношение.

С этими словами он, подражая героям приключенческих романов, небрежно развернулся и зашагал прочь, самодовольно расправив плечи. Разумеется, он так и не увидел, как за его спиной во взоре чужеземки промелькнуло хищное, торжествующее пламя.

Однако Су Янь не упустил эту мимолетную перемену на лице красавицы. Нахмурившись, он бесшумно протиснулся сквозь толпу вслед за уходящим приятелем.

Они побродили по торговым рядам еще около часа. Избавившись от многочисленных свертков и покупок, которые забирали следовавшие поодаль слуги, молодые люди направились пообедать в знаменитый трактир «Башня Белых Облаков».

У Су Яня на вторую половину дня была запланирована встреча со священнослужителями из Храма Высшего Таинства для богословских бесед. После сытной трапезы Пэй Хуайюй битый

час умолял даоса вернуться сюда завтра, чтобы вновь поглазеть на персидских дев. Не устояв перед его жалобными расспросами, Су Янь со вздохом уступил, и лишь тогда счастливый барин наконец соизволил отпустить его по делам.

Однако стоило даосу миновать ворота Западного рынка и свернуть в тихий переулок, как у него за спиной свистнул воздух. Едва он успел вскинуть руку для защиты, как сбоку тенью метнулся второй нападающий. Раздался глухой удар тяжелой дубины, и мир для Су Яня мгновенно погрузился во тьму.

Очнулся Су Янь от резкой боли во всем теле. Он лежал на жестком ложе, намертво спеленатый по рукам и ногам мокрыми пеньковыми веревками, которые при высыхании сжимались мертвой хваткой. По обе стороны от его шеи были закреплены острые ножи — малейшее неосторожное движение грозило перерезать ему горло.

Попытка пошевелить кистями ни к чему не привела: конечности полностью затекли и онемели. Похоже, он пролежал без чувств довольно долго.

Пока даос лихорадочно соображал, как выпутаться из этого положения, у входа послышался сухой скрип — тяжелая дверь отворилась.

Над ложем склонилось холеное лицо князя Цзиня. Вельможа ележно и снисходительно улыбался:

— Какая приятная встреча, даос Су. Видите, пути судьбы неисповедимы.

Су Янь мысленно вздохнул. Пророческие слова Пэй Цзинсина сбылись с пугающей точностью: уличный посол еще вчера предупреждал, что князь не отступится, а сегодня даос уже оказался в его силках.

— Ваше Высочество, Сицзин огромен, — заговорил Су Янь, стараясь сохранять ровный, убедительный тон. Он понимал, что сейчас разумнее звать к логике похитителя. — Искать в этом муравейнике какое-то платье — все равно что вычерпывать море ковшом. Я лишь безродный бродячий монах. Стоит вам отдать приказ — и тысячи ищеек перевернут город вверх дном. Зачем вам сдался именно я?

— В том-то и дело, что мне нужен только ты, — князь снисходительно похлопал юношу по щеке, словно неразумное дитя. — Довольно пустых речей. Полежи здесь до утра, поразмысли. Сдается мне, на рассвете ты станешь куда сговорчивее и сам умолять будешь позволить тебе найти эту вещь.

Одарив пленника напоследок холодным взглядом, вельможа развернулся и покинул комнату в сопровождении стражи. Дверь захлопнулась, оставив Су Яня наедине со своими невеселыми думами.

Он осторожно повел плечами — пустая затея. Влажная пенька врезалась в плоть, лишая возможности сделать малейший вздох. Онемение уже подбиралось к кончикам пальцев. Глубоко вдохнув, Су Янь заставил себя успокоиться.

Очистив разум от страха, он сосредоточился на внутренних узлах своего тела и применил даосскую технику сжатия костей. В полумраке раздался сухой, приглушенный хруст суставов — его скелет послушно сжался, и фигура юноши сделалась заметно меньше.

Конечности по-прежнему держали путы мертвой хваткой, однако тиски немного ослабли, позволив ему вздохнуть свободнее.

Повернув голову на несколько вершков — ровно настолько, чтобы не задеть лезвие ножа, — даос посмотрел на полуоткрытое окно. Снаружи плескалась темная вода, подернутая зыбким золотистым сиянием. Судя по всему, темница располагалась на воде — скорее всего, в том самом павильоне посреди озера в княжеском поместье, о котором шла речь. А золотистые блики были не чем иным, как прощальными лучами заходящего солнца.

Су Янь отвел взгляд и осмотрел саму комнату. В паре шагов от ложа высился тяжелый деревянный стол. На лакированной столешнице курилась бронзовая курильница, извергающая тонкие струйки сизого дыма. Стоило ему почувствовать едва уловимый сладкий аромат, как он ощутил свинцовую тяжесть в веках, а мысли подернулись сонной дымкой.

Сомнений не оставалось: благовоние содержало сильный сонный яд, который и удерживал его в беспомощности все эти часы.

Поняв, что немедленный побег невозможен, Су Янь прекратил бесплодные попытки освободиться. Страх перед князем он не испытывал. Самодурство вельможи и эта грубая уловка лишь доказывали, что тот загнан в угол собственным бессилием и отчаянно нуждается в помощи знающего человека. Похоже, похищением князь Цзинь надеялся сломить его волю и втянуть в опасную игру, заставив отыскать таинственное одеяние.

«Платье...»

Эта мысль заставила даоса нахмуриться.

Если верить рассказам Пэй Хуайюя, поместье было даровано прежним государем первому князю Цзиню при восшествии на престол. Но кем была та несчастная, чьи кости теперь покоятся на дне холодного озера? Знал ли ее старый князь? И что за чудесный наряд мог заставить неприкаянную душу годами томиться в земной юдоли, не в силах покинуть этот мир?

За окном зашуршал прохладный ночной ветер, окончательно гася золотые искры на воде, и на город опустилась глухая тьма.

<http://bllate.org/book/18419/1823104>